

Философские идеи И. Г. Бурцова: между Дж. Локком и И. Кантом

А. С. Луньков

Институт философии и права, Уральское отделение РАН,
Российская Федерация, 620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

Для цитирования: Луньков А. С. Философские идеи И. Г. Бурцова: между Дж. Локком и И. Кантом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 2. С. 273–284. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.204>

В статье исследуются философские идеи Ивана Григорьевича Бурцова (1794–1829). Он был одним из основных представителей движения декабристов и уважаемым специалистом по военной теории и истории военного искусства. В юности Бурцов испытал большое влияние философии Просвещения и особенно Дж. Локка. Это произошло благодаря тому, что на педагогических и философских идеях Локка основывалось преподавание в Московском благородном пансионе — учебном заведении, в котором учился Бурцов. После Наполеоновских войн Бурцов занялся активной военно-просветительской работой и теоретическими изысканиями в области философии войны и военной науки. Время его активной деятельности совпало с периодом неопределенности дальнейшего пути развития русской военной науки. Разработка идей Бурцова позволила бы русской военной науке развиваться в качестве самобытной ветви европейской военной мысли. Свой основной теоретический труд «Мысли о теории военных знаний» Бурцов написал в 1819 г. после частных занятий с профессорами Санкт-Петербургского университета, многие из которых были последователями критической философии И. Канта. Некоторые кантианские идеи мы можем найти в произведениях Бурцова и его письмах. Таким образом, окончательно его мировоззрение и философские взгляды сложились под влиянием отечественных последователей Канта. Синтез идей Локка, Канта, известных европейских военных теоретиков и самого Бурцова создал оригинальную философскую основу для развития военной науки. К несчастью, данный фундамент оказался невостребованным по причине коренного перелома в общественно-политической жизни России, который наступил после восстания на Сенатской площади в 1825 г.

Ключевые слова: И. Г. Бурцов, Дж. Локк, И. Кант, философия войны, военная наука, движение декабристов.

Иван Григорьевич Бурцов (Бурцев) (1794–1829) в отечественной исторической литературе известен как один из активных участников движения декабристов, основатель преддекабристской организации «Священная артель» и член декабристских «Союза спасения» и «Союза благоденствия». В контексте его политической деятельности в советский период историографии рассматривалась и его главная теоретическая работа «Мысли о теории военных знаний» (1819). Эта небольшая статья стала одним из немногих для первой четверти XIX в. примеров создания теории военной науки на русской почве с учетом лучших европейских и отечествен-

ных достижений. Некоторые исследователи советского периода также обращали внимание на немногочисленные публицистические и исторические статьи Бурцова [1, с. 203–208]. Но как человек, сформулировавший философские идеи, репрезентирующие высший уровень развития военно-философской мысли России первой четверти XIX в., он не рассматривался, пожалуй, ни разу.

Для полноценного исследования факторов формирования взглядов И. Г. Бурцова необходимо рассмотреть не только его теоретические труды, но, по возможности, корпус его сочинений. Советскими исследователями истории русского военного искусства XIX в. довольно подробно изучены его главный военно-теоретический труд и эпистолярное наследие. Однако все остальные его работы становились предметом научного анализа крайне редко. К тому же на сегодняшний день они разбросаны по различным архивам и библиотекам, географически расположенным в совершенно разных частях бывшего СССР, что сильно затрудняет их комплексное изучение. Часто установление авторства тех или иных статей Бурцова является результатом целого исторического расследования. Подобные обстоятельства явно не шли на пользу всестороннему анализу идейного наследия и влияния этого автора на формирование русской военно-теоретической мысли.

На наш взгляд, в изучении работ Бурцова большую роль играл и играет до сих пор своего рода счастливый случай, потому что исследователь должен сочетать в себе определенные знания по истории военного искусства с эрудицией в области классических философских текстов. Первая составляющая позволяет в принципе знать о существовании Бурцова не просто как одного из деятелей декабристского движения, но и видного для своего времени военного теоретика. Вторая же помогает опознать в его тексте буквальные и перефразированные цитаты из трудов отечественных и зарубежных философов.

Свои «Мысли о теории военных знаний» И. Г. Бурцов начинает с фразы, которая восходит как к философскому наследию И. Канта («Критика чистого разума»), так и к идеям представителей английского эмпиризма, а именно Дж. Локка («Опыт о человеческом разуме»). Бурцов пишет, что «опытность предшествовала рассуждению человека» [2, с. 1]. С одной стороны, это практически буквальная цитата первого предложения бессметного кантовского труда: «Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта» [3, с. 40]. С другой стороны, похожая мысль есть и в указанном произведении Локка: «На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит» [4, с. 128]. Необходимость прояснения истоков философских взглядов Бурцова уже на этапе чтения первого предложения его работы послужила своего рода «точкой входа» в проблематику настоящей статьи, «детонатором» нашего исследовательского интереса к этой персоне. Однако, как было указано выше, простого анализа текста недостаточно для понимания всех перипетий проникновения европейских философских идей в отечественную военную теорию. Начать следует с изучения биографии Ивана Григорьевича.

Во всех дореволюционных энциклопедических изданиях и исследованиях событий 1825 г., в трудах советских специалистов-декабристоведов и даже в единственной монографии, посвященной И. Г. Бурцову [5], его ранней биографии уделяется от силы два предложения. Однако именно с периодом его юности связан первый значимый для его дальнейшего становления как военного теоретика

факт — учеба в Московском университетском благородном пансионе. На том, что это было за учебное заведение, необходимо остановиться отдельно.

В 1755 г., одновременно с созданием Московского университета, была образована Университетская гимназия, которая состояла из дворянской и разночинной частей. Целью этого учебного заведения было дать качественное образование юношам и наиболее талантливых из них подготовить к поступлению в университет. Из дворянской части гимназии в 1778 г. выделился Благородный пансион, который переместился в отдельное здание [6, с. 200]. На тот период это было лучшее в России учебное заведение такого уровня, из его стен вышло много будущих государственных, военных и литературных деятелей. Пансион славился своей глубокой гуманитарной подготовкой. Преподавали в гимназии и пансионе те же профессора, что и в Московском университете, в программе были те же университетские предметы, только в сокращенном виде [7, с. 4]. По отзывам современников и мнению позднейших исследователей, в гимназии и пансионе удавалось поддерживать очень высокий уровень образования выпускников.

Перед пансионом были поставлены три главные задачи: «1) *научить детей*, или *просветить их разум* полезными знаниями и чрез то приуготовить их нужными быть членами в обществе; 2) *вкоренить в сердца их благонравие* и чрез то сделать из них истинно полезных, то есть честных и добродетельных сограждан; и, наконец, 3) *сохранить их здравие* и доставить телу возможную крепость, толь нужную к понесению общественных трудов, к должному отправлению с успехом государственной службы» [8, с. 7]. Все эти пункты выполнялись неукоснительно. Анализ переписки И. Г. Бурцова с его другом Н. Н. Муравьевым-Карским показывает, что подобные же задачи, практически в таких же формулировках, ставил перед собой и сам Иван Григорьевич [9, с. 114, 119–121, 131–132]. При этом письмам доверялись наиболее сокровенные мысли, которые в формальной обстановке могли и не быть высказанными. Таким образом, идеи, усвоенные во время обучения в пансионе, оставались неотъемлемой частью мировоззрения Бурцова до самой его смерти.

В пансион принимались мальчики от 9 до 14 лет [8, с. 16], поэтому, если учесть, что в 1812 г. Бурцов уже был зачислен в действующую армию по квартирмейстерской части, он мог учиться в пансионе в период с 1803 по 1812 г. Более точно очертить этот промежуток времени на данный момент нам не удалось. В любом случае период его обучения в пансионе совпал со временем, когда инспектором этого учреждения был Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762–1848). С 1791 по 1824 г. он бессменно руководил пансионом, с 1818 г. совмещал эту обязанность с должностью ректора Московского университета. Наиболее важным произведением Антона Антоновича, которое может дать косвенную информацию об источниках тех или иных философских идей Бурцова, является «Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории» (1791). В нем Прокопович-Антонский формулирует всеобщий закон природы: «Все подвержено в натуре, по уставу верховного Строителя, восходящим и нисходящим кругообращениям. Куда ни обратим взоры, на шествия ли великие природы в ее целом, или на каждое произведение оной в ее частях; на распространение ли целых народов или на течение жизни и успехи частных людей: всюду обрящем первоначальное их происхождение, множасьеея приращение, полный цвет, мужественную зрелость и конечное совершенство. <...> ...словом, все в природе идет своими степенями к предложенной

цели и совершенству» [10, с. 8]. По сути, автор высказывает идею прогрессивного развития как главного закона природы. Этот закон распространяется не только на объективные процессы внешнего мира, но и на мышление человека: «Мыслящее существо в человеке покорено также сему всеобщему закону» [10, с. 9]. Важную роль играет и идея цикличности развития, так как «каждое действие в натуре течет постепенно, или к возвращению или к разрушению, теряясь в одной части или месте, а в другой возрождаясь. По сим-то началам и самая искусства и науки, со втечением внешних обстоятельств, в одни века процветали, а в другие упадали» [10, с. 9]. Идея постепенности накопления знаний, которое приводит к возникновению и развитию различных отраслей философского и научного знания, встречается и у Бурцова. Он пишет: «Медленный синтетический образ действия, природою назначенный человеку, может быть с тою установлен целью, чтобы творить многоценным всякое открытие и принуждать изобретателя священно сохранять оное» [2, с. 2]. Преемственность взглядов Прокоповича-Антонского и Бурцова еще более явно обозначает их отношение к достижениям своего времени. XVIII в. стал вершиной развития наук и искусств, наивысшей из достигнутых за всю историю общества. Бурцов практически дословно цитирует мысль своего предшественника, который писал: «Паче же всех текущий ныне восемнадцатый век прославлен распространением наук, открытием многочисленных искусств и множеством знаменитых писателей» [10, с. 22]. И если сравнить достижения наиболее развитых народов древности — греков и римлян — с уровнем развития наук настоящего автору времени, то цивилизации античности не выдержат конкуренции. Все их познания покажутся «скудными» и «недостаточествующими» [10, с. 23]. Бурцов вторит Прокоповичу-Антонскому, подчеркивая, что, «без сомнения, восемнадцатый век может славиться великим переворотом, произведенным в науках: в сей только век знания новейших народов явно превзошли ученость древних и получили совсем новое, совершеннейшее направление» [2, с. 2–3].

Одним из идейных вдохновителей Прокоповича-Антонского был английский философ Джон Локк, которого тот называл «глубокомысленный Локк» [10, с. 13], в противовес «лжемудрым» Гоббсу, Гельвецию и Руссо, чьи взгляды на происхождение общества и сущность человека были подвергнуты им уничтожительной критике [10, с. 12–14]. Бурцов же в своих философских основаниях идет дальше пристрастий своего старшего наставника и помимо идей Дж. Локка использует ряд мыслей и Т. Гоббса. Главным источником войн и конфликтов Бурцов называет страсти, которые заложены в природе человека: «Без сомнения, никто из военных людей не будет оспаривать, чтоб война не была зло; но справедливость заставляет прибавить к сему, что причина зла сего сокрыта в страстях человеческих, что все благословенные условия между гражданскими обществами могут на время только отдалить сие зло, но искоренить отнюдь его не в состоянии...» [2, с. 11]. Прежде всего, обращает на себя внимание тезис, что война есть зло. Иван Григорьевич явно полемизирует с апологетами романтического взгляда на войну, которые превозносили ее как своеобразную сферу искусства, воспевали ее. Для него была совершенно справедлива мысль, что военное дело, до появления теории, является разновидностью ремесла [2, с. 6], которое связано скорее с миром грубой материи, нежели с вершинами проявления духа. Природа этого зла лежит в человеческой сущности, в человеческих страстях. Эта часть тезиса Бурцова является практически цитатой

из «Основ философии» Т. Гоббса: «Если к естественной склонности людей нападать друг на друга, которую объясняют аффектами... присоединить еще и право всех на все... невозможно отрицать, что естественным состоянием людей до объединения в общество была война... война всех против всех» [11, с. 291]. Кроме того, мысль Бурцова о роли гражданского общества в предотвращении войны вполне соотносится с идеями, сформулированными по этому поводу Гоббсом в «Левиафане» [12, с. 93–98]. Сказанное выше не оставляет сомнений в том, что И. Г. Бурцов был знаком не только с трудами своего наставника по пансиону, но и с произведениями классиков философской мысли английского Просвещения. При этом знакомство это оставило достаточно серьезный отпечаток на образе мыслей Ивана Григорьевича.

Кроме философских идей, восходящих к английскому эмпиризму, согласно нашей гипотезе, на формирование взглядов И. Г. Бурцова повлияла также философия И. Канта. При этом изучение путей ее проникновения в мировоззрение будущего декабриста представляет собой многоаспектную проблему истории философии. Существует большое количество исследований, посвященных анализу связей И. Канта с Россией. При этом глубина исторического поиска доходит до выявления даже, казалось бы, незначительных эпизодов встреч или общения Канта с подданными Российской империи. Но большинство этих работ посвящено сугубо штатским персонам и почти не затрагивает отечественных военных деятелей.

Как ни парадоксально, но путь проникновения философии И. Канта в русскую военную мысль проходил через посредство сугубо штатских профессоров Санкт-Петербургского университета. Посещение их лекций было инициативой целого ряда молодых офицеров — участников движения декабристов. По свидетельству В. И. Семевского, «некоторые члены тайных обществ дополняли свое образование посещением лекций профессоров» [13, с. 204]. Вот тут-то и возникает почва для взаимодействия между военными и штатскими мыслителями. И среди офицеров, интересовавшихся повышением уровня собственного образования, выделялся Иван Григорьевич Бурцов.

После того как он был арестован в рамках расследования событий на Сенатской площади и подвергся допросу, вскрылись очень интересные для нас факты. В своих показаниях он признается, что, «подобно многим гвардейским офицерам, в свободные часы от службы... посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках, и всемерно старался приобретать таковые знания» [14, с. 190]. Именно фигура Бурцова — известного декабриста, но малоизвестного сейчас русского военного теоретика — является практически уникальным для России случаем диалога между гражданской и военной наукой. Сведения об этих занятиях содержатся, кроме показаний Бурцова на допросах по делу о декабрьском восстании, и в воспоминаниях других слушателей лекций [5, с. 11]. Далее необходимо подробнее рассмотреть степень возможного влияния на Бурцова всех упомянутых в его показаниях ученых и философов, а также уровень усвоения ими критической философии Канта.

Прежде всего стоит обратить внимание на Карла Федоровича Германа (1767–1838). Его главный труд «Всеобщая теория статистики» [15] содержит в себе не только конкретные научные взгляды из сферы статистики, но и хорошо проработанную теоретико-философскую часть, в которой автор намечает основания для единства всех наук. В период формирования философско-мировоззренческой со-

ставляющей своих взглядов Герман испытал определенное влияние критической философии И. Канта. Он учился в Геттингенском университете и в 1795 г. был приглашен в Россию. В период знакомства с ним И. Г. Бурцова — весной 1818 г. — он был профессором Петербургского педагогического института (будущего Санкт-Петербургского университета). При этом Герман уже несколько лет практиковал подобные приватные занятия для офицеров [16, с. 162]. О том, насколько повлияли эти занятия на формирование взглядов Бурцова, можно говорить после сравнительного анализа уже упомянутой его статьи и текстов самого К. Ф. Германа, прежде всего «Всеобщей теории статистики». В последней важное место отводится рассуждениям об основаниях теории статистики, которая должна вооружить учебного представлениями о закономерностях развития предмета данной науки. При формировании этой теории Герман опирается как на идеи И. Канта, так и на мысли других, более известных в плане развития политической экономии авторов. Прогрессивность его книги современными исследователями связывается именно с опорой на кенигсбергского философа. Так, например, А. Л. Дмитриев пишет: «В разделе “О теории вообще” Герман приводит общие принципы научного познания. Основа, на которой строится данный раздел, — философия И. Канта». И далее: «Влияние философии Канта на Германа в плане развития статистики как науки имело прогрессивное значение» [17, с. 439–440].

Знакомство Ивана Григорьевича с книгой К. Ф. Германа «Всеобщая теория статистики» не вызывает сомнений. Об этом говорит как схожесть идей ученых, так и ряд практически прямых цитат. В «Мыслях о теории военных знаний» мы встречаем такую фразу: «...с одной стороны, качества вещей в природе существующих, а с другой, врожденные свойства души, суть *материя* и *форма* всех человеческих знаний» [2, с. 2]. В таком виде текст Бурцова выглядит даже еще более кантианским, чем текст Германа, который пишет: «Всякая наука или основательное познание, относящееся к предметам внешним, имеет две части: формальную (образную) и материальную (составную). Формальная есть теория, а материальная — самый предмет» [15, с. 28]. Если же теперь обратиться к самому Канту, то в «Критике чистого разума» мы найдем такие рассуждения: «...впечатления, получаемые от чувств, дают первый повод к раскрытию всей познавательной способности в отношении их к осуществлению опыта, содержащих два весьма разнородных элемента, а именно *материю* для познания, исходящего из чувств, и некоторую *форму* для упорядочения ее, исходящего из внутреннего источника чистого созерцания и мышления...» [3, с. 118].

Для написания собственной работы И. Г. Бурцов также заимствует рассуждения К. Ф. Германа о сущности теории какой-либо науки. Герман пишет, что «всякая теория есть наука, и притом наука о главных понятиях, служащих к ограничению свойств особенной какой-либо науки или знания, и о главных основаниях служащих к возможно лучшему изложению особенных ее частей» [15, с. 29]. Развитие этой мысли мы находим у И. Г. Бурцова, когда он сетует на недостаточную разработанность военной теории: «Относясь до весьма малой токмо части военных наук, она в сравнении с другими человеческими знаниями, ни той полноты, ни того порядка не содержит, и столь еще недостаточна, что не имеет даже ни точного определения, ни верного раздробления на части» [2, с. 7]. Все концептуальное содержание «Мыслей о теории военных знаний» пронизано идеей построения целостной теории военной науки, для того чтобы свести воедино все ее части и достигнуть тем самым

высшего уровня систематизации знания. Образцом для военной науки в этом деле должны стать науки политические, которые как раз в тот период впервые получили свою теорию и, как следствие, начали бурно развиваться. При этом Бурцов высказывает совершенно гениальную мысль об особенностях предмета исследования военной науки и вытекающей из этого специфике ее методологии. Его рассуждения можно обобщить в следующих тезисах: 1) война — это временное состояние, которое редко целенаправленно наблюдают непосредственно с использованием научных методов, в отличие от природы или общества, которые всегда «обнажены» перед наблюдателем; 2) исследование войны всегда происходит *post factum*, и чем дальше по времени исследователь, тем менее вероятно, что он сможет обнаружить подлинные причины событий; 3) при изучении войны ярко проявляет себя аксиологический фактор, так как развитие военной науки часто ассоциируется с развитием инструментов абсолютного зла [2, с. 10–11]. Таким образом, можно смело утверждать существование преемственности идей по линии «Кант — Герман — Бурцов». Однако для полноты картины необходимо рассмотреть влияние на Ивана Григорьевича и двух других профессоров, с которыми он был знаком.

Александр Петрович Куницын (1783–1840) следующий из указанных Бурцовым профессоров, у которых он брал частные уроки. По данным исследователей, Куницын в 1808 г. был отправлен для образования за границу, в Гейдельберг и Геттинген. С 1811 г. он начал преподавать нравственную философию и правоведение в Царскосельском лицее, с 1817 г. — правоведение в Главном педагогическом институте Санкт-Петербурга, а с 1819-го — в Санкт-Петербургском университете. Знаменитый разгром университета и увольнение ряда профессоров, учиненные Д. П. Руничем в 1821 г., начались именно с критики книги Куницына «Право естественное» [18, с. 271]. После долгих разбирательств ученый комитет Главного управления училищ счел указанную работу вредной, полной антихристианских и антиправительственных идей и постановил запретить ее распространение и тираж уничтожить, самого же автора отстранить от учебной работы [19, с. 122–123]. Среди «кантианских» идей Куницына можно выделить рассуждения о «безусловных повелениях» разума относительно поступков человека [20, с. 3]; обоснование свободы воли со стороны разума [20, с. 4]; роль критической философии в разведении предметов естественного права и политики [20, с. 11] и т. д.

Если у Канта Бурцов взял цитату для первого предложения своей статьи, то у Куницына он явно заимствовал идею для второго предложения: «Привлекаемый удовольствием, а неприятностью отвращаемый, он обращал внимание свое на окружающие его предметы, и пользуясь светом разума, познавал оных качества» [2, с. 1]. Практически идентичное высказывание есть в труде Куницына «Право естественное»: «Человек по силе чувственной природы желает только того, что почитает добрым и отвращается от того, что находит злым» [20, с. 1]. Таким образом, мы можем отметить явную связь идей Куницына и Бурцова и тем самым обозначить существование линии преемственности «Кант — Куницын — Бурцов», пусть и не в таком явном виде, как в случае с профессором Германом.

Что касается влияния на становление взглядов И. Г. Бурцова со стороны Александра Ивановича Галича (1783–1848), мы можем утверждать лишь факт их личного общения во время частных занятий и определенную схожесть их идей относительно некоторых проблем.

Помимо указанных выше обстоятельств знакомства И. Г. Бурцова с трудами Канта есть и еще одно, имеющее отношение к его дружеским связям. Его близкий друг Николай Николаевич Муравьев-Карский с юношеских лет был влюблен в младшую дочь адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова — Наталью Николаевну. В 1811–1812 гг. он тщательно скрывал это чувство от окружающих. Только после возвращения из заграничных походов и перехода в Гвардейский генеральный штаб Н. Н. Муравьев решился объяснить с Н. С. Мордвиновым и просить руки его дочери. Он предпринимал эти попытки дважды — в марте — апреле 1815 г. и в начале января 1816 г. В итоге сватовство Н. Н. Муравьева не было принято и послужило причиной его отъезда на Кавказ [21, с. 142]. Эта любовная история нам интересна тем, что, по косвенным свидетельствам, секретарем Н. С. Мордвинова за некоторое время до этого мог быть Яков Андреевич Рубан (ок. 1760–1805/1806) — один из первых переводчиков произведений И. Канта на русский язык [18, с. 114]. Он перевел и в 1803 г. издал «Основоположения метафизики нравов», которые снабдил посвящением Н. С. Мордвинову. Примечательно, что это был перевод с немецкого языка, а не с французского, с которого часто переводили труды Канта в России в первой половине XIX в. Согласно же письмам Бурцова своему другу, он до своего отъезда в Тульчин в 1819 г. часто бывал в доме Мордвинова. Например, в феврале и марте 1815 г. он отправил девять записок Муравьеву-Карскому о состоянии здоровья Натальи Николаевны Мордвиновой, которая в тот период сильно заболела. При этом мы не располагаем надежными историческими свидетельствами того, что И. Г. Бурцов был знаком с трактатом Канта в переводе Я. А. Рубана, однако весьма вероятно, что данное издание было в библиотеке Н. С. Мордвинова.

В пользу гипотезы знакомства И. Г. Бурцова с Кантом в переводе Рубана можно привести еще ряд доводов. Прежде всего здесь следует обратить внимание на заметку «Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г. (Из бумаг Черноморского войска)», вышедшую в журнале «Отечественные записки» в 1820 г. и подписанная «Из Тульчина». Авторство Бурцова в данном случае устанавливается на основании того, что в своих показаниях по делу декабристов он сам называет себя автором этой статьи [14, с. 197]. По большей части эта статья содержит описание боя, выдержанное в патриотическом ключе. Обращает на себя внимание один из фрагментов, написанный, по нашему мнению, в духе рассуждений Канта о должновости: «И так деяния мужества в существе своем неизменны; они составляют одну из нравственных причин прочного бытия государства. Разительные черты предшественников, переходя к потомкам, воспаляют их душу, возбуждают необоримое стремление к истинно изящному, великому, и тем образуют людей, живущих не для себя, но исключительно для блага своих сограждан, людей, почитающих общественным достоянием не токмо все зависящие от них средства, но и самую жизнь свою; а жертвование оною — крайнею целью своего постоянного стремления» [22, с. 19].

Кроме этого отрывка, уже напрямую к кантовским рассуждениям о самоубийстве и небрежном отношении к своим талантам, а также к оценке этих действий с точки зрения категорического императива [23, с. 196–198] нас отсылает письмо Бурцова Муравьеву-Карскому от 25 июня 1817 г. Предыстория этого послания граничит с трагедией — лучший друг Ивана Григорьевича находился в глубочайшей депрессии, так как не видел больше смысла в существовании после всех своих жизненных злоключений — неудавшегося сватовства, вынужденного нахождения

вдали от Родины и тягот службы без высоких целей. Об этом он пишет в одном из своих писем Бурцову, перед которым встает поистине сложнейшая задача: подобрать в ответном письме такие слова, которые смогли бы убедить потенциально-го самоубийцу (что подтверждается одним из дальнейших писем) в важности его усилий на благо общества. Следует учесть расстояние между столицей и Кавказом, время доставки писем и вообще все сложности этого предприятия. Для дружеского совета и поднятия духа в непростой жизненной ситуации Бурцов выбирает слова, поразительно схожие с идеями Канта. Он пишет следующее: «Убедись в том, что каждый обязан всем обществу, а благо сего последнего от пожертвований каждого зависит. Далее, заметь, что ежели сии непрменные связи расторгнутся, то единство исчезнет и политический состав общества неминуемо обрушится. Из сего ясно видно, что человек, желающий быть добродетельным, непременно должен поставить себе целью принести обществу самую величайшую пользу, какую только он может: без того все поступки его суть противны справедливости и спокойствие совести не будет его наградой. Добродетельный человек в полной силе должен знать важность обязанностей, на него при вступлении в свет налагаемых; он должен быть несомненен в том, что имущество, способности и самая жизнь его не столько ему самому, сколько непосредственно принадлежат обществу; и посему он неволен никаким образом отказаться от оных, или пожертвовать ими иначе как для умножения блага своего Отечества» [9, с. 114]. Конечно, тема долга гражданина перед Отечеством часто возникает в переписке Бурцова с Муравьевым-Карским. Например, в письме от 9 декабря 1816 г. мы встречаем такую мысль: «Делать пользу человечеству, дабы иметь сие неоцененное бремя при предстании всевышнему суду» [9, с. 99]. Однако именно в минуту величайшей ответственности он выбирает слова в духе кантовской философии. Таким образом, с высокой долей уверенности мы можем утверждать, что И. Г. Бурцов был знаком с русским переводом трактата И. Канта «Основоположения метафизики нравов», сделанным Я. А. Рубаном, и то, что идеи кенигсбергского философа прочно вошли в мировоззрение русского офицера.

Суммируя все вышесказанное, необходимо выделить ряд ключевых позиций философских и военно-теоретических взглядов И. Г. Бурцова. В юности его мировоззрение формировалось под влиянием идей философии Просвещения, английского эмпиризма Дж. Локка и Т. Гоббса и их отечественных последователей. Это воздействие сохраняло свою силу на всем протяжении жизни Ивана Григорьевича и отразилось на понимании им феномена и происхождения войны, ее роли в развитии общества и государства.

Окончательное формирование взглядов декабриста происходило при участии видных представителей русской философской и научной общественности — профессоров Санкт-Петербургского университета. Все они в той или иной степени использовали идеи критической философии в обучении и собственных теоретических изысканиях. Особенно ярко опосредованное влияние Канта на идеи Бурцова заметно в рассуждениях последнего об особенностях познавательной деятельности человека, о роли математики в развитии наук и о необходимости всем истинным гражданам своего Отечества руководствоваться в своей жизни безусловным моральным законом, утверждаемым разумом.

К сожалению, известные события декабря 1825 г. и последовавшая за ними реакция правительства серьезным образом нарушили естественное развитие русской

философской, общественной и военной мысли. Попытка И. Г. Бурцова спровоцировать формирование самобытной русской военной науки, которая бы опиралась на творческую переработку как зарубежных идей, так и собственного военного опыта, окончилась неудачей. Однако степень его влияния на следующие поколения военных мыслителей в России все еще является актуальной темой будущих научных и историко-философских исследований.

Литература

1. Ромм М. Д. И. Г. Бурцов — публицист // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26. С. 203–208.
2. Бурцов И. Г. Мысли о теории военных знаний. [СПб.]: [Б. и.] [Не ранее 1818].
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. С. 5–622.
4. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Локк Дж. Избр. произв.: в 2 т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1. С. 57–696.
5. Макаров В. Б. Декабрист Иван Григорьевич Бурцов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 83 с.
6. Диссон Ю. А. Московский университетский благородный пансион в системе народного просвещения // XV Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Москва, 19–22 января 2005 г. Материалы. М., 2005. Т. 2. С. 199–201.
7. Страхов П. И. Краткая история академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете. Репринтное издание. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. 64 с.
8. Сушков Н. В. Воспоминания о Московском университетском благородном пансионе. М.: О-во истории и древности российских, 1848. VI + 96 с.
9. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М.: Изд-во ГИМ, 1975. Т. I. 376 с.
10. Прокопович-Антонский А. А. Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. М.: Университетская тип., у В. Огорокова, 1791. 30 с.
11. Гоббс Т. Основ философии часть третья. О гражданине // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 66–506.
12. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 6–545.
13. Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. 1-й СПб. трудовой артели, 1909. XII + 694 с.
14. Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. XX. 592 с.
15. Герман К. Ф. Всеобщая теория статистики: Для обучающихся сей науке. СПб.: При Императорской академии наук, 1809. 107 с.
16. Сыроечковский Б. Е. П. И. Пестель и К. Ф. Герман. (К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля) // Ученые записки Московского ун-та. Вып. 167: Кафедра истории СССР. 1954. С. 151–178.
17. Дмитриев А. Л. Карл Федорович Герман: статистик и экономист (к 250-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Экономика. 2017. Т. 33, вып. 3. С. 433–451.
18. Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX веков. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. 586 с.
19. Емельянов Б. В. Царизм против естественного права (три эпизода гонений) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. № 4. С. 119–126.
20. Куницын А. П. Право естественное. Кн. 1: Чистое право. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1818. 180 с.
21. Записки Н. Н. Муравьева-Карского. 1814 и 1815 годы // Русский архив. 1886. № 2. С. 69–146.
22. [Бурцов И. Г.] Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 году (Из бумаг Черноморского войска) // Отечественные записки. 1820. Ч. 2, № 3, Июль. С. 18–26.
23. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 153–246.

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2018 г.;
рекомендована в печать 7 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Луньков Александр Сергеевич — канд. ист. наук; istorik1981@mail.ru

I. G. Burtsov's Philosophical Ideas: between J. Locke and I. Kant

A. S. Lunkov

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16, ul. Sof'i Kovalevskoy, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation

For citation: Lunkov A. S. I. G. Burtsov's Philosophical Ideas: between J. Locke and I. Kant. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 2, pp. 273–284. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.204> (In Russian)

The paper studies I. G. Burtsov's philosophical ideas. Burtsov was one of the main representatives of the Decembrist movement and a respected specialist in military theory. In his youth, Burtsov was greatly influenced by the philosophy of the Enlightenment, and especially of J. Locke. This was because the organization of teaching in the Moscow Noble Boarding School, where Burtsov studied, was based on Locke's pedagogy and philosophy. After the Napoleonic wars, Burtsov engaged in active military education and theoretical research in the philosophy of war and military science. His active work occurred in the period for choosing the further development of Russian military science. In continental Europe in the first quarter of the nineteenth century there were two main schools of military thought: the Prussian and the French. The development of Burtsov's ideas would allow Russian military science to develop as an original branch of European military thought. Burtsov wrote his main theoretical work, *Thoughts on the theory of military knowledge*, in 1819 after private lessons with professors of St. Petersburg University, most of whom were followers of Kant's critical philosophy. Some Kantian ideas we find in Burtsov's works and in letters. Synthesizing the ideas of Locke, Kant, and famous European military thinkers, Burtsov created an original philosophical basis for the development of military science. This foundation was unclaimed because of a radical change in the social and political life of Russia in 1825.

Keywords: I. G. Burtsov, J. Locke, I. Kant, philosophy of war, military science, the Decembrist movement.

References

1. Romm, M. D. (1995), "I. G. Burtsov — publitsist" [I. G. Burtsov as publicist], *Vremennik Pushkinskoi komissii*, is. 26, pp. 203–208. (In Russian)
2. Burcov, I. G. (not earlier 1818), *Mysli o teorii voennykh znaniy* [Thoughts on the theory of the military knowledge], St. Petersburg, Russia. (In Russian)
3. Kant, I. (1994), "Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason], in Kant, I. *Sochineniia* [Works], in 8 vols., transl. by Losskii, N. O., vol. 3, Choro Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
4. Locke, J. (1960), "Opyt o chelovecheskom razume" [An Essay Concerning Human Understanding], in Locke, J. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], in 2 vols., transl. by Savin, A. N., vol. 1, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., Moscow, Russia, pp. 57–696. (In Russian)
5. Makarov, V. B. (1981), *Dekabrist Ivan Grigor'evich Burtsov* [Decembrist Ivan Grigor'evich Burcov], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., Saratov, Russia. (In Russian)
6. Disson, Ju. A. (2005), "Moskovskii universitetskii Blagorodnyi pansion v sisteme narodnogo prosveshcheniia" [Moscow University Noble Boarding School in the system of public education], in *Materialy XV Ezhegodnoi Bogoslovskoi konferentsii Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta* [Proceedings of the 15th Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University], Moscow, Russia, January 19–22, 2005, vol. 2, pp. 199–201. (In Russian)
7. Strakhov, P. I. (2000), *Kratkaia istoriia akademicheskoi gimnazii, byvshei pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Reprintnoe izdanie* [A brief history of the academic gymnasium, which was at the Impe-

- rial Moscow University. Reprint edition], Izdatelstvo Moskovskogo universiteta Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
8. Sushkov, N. V. (1848), *Vospominaniia o Moskovskom Universitetskom Blagorodnom Pansione* [Memories of the Moscow University Noble Boarding School], Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
9. *Iz epistolnogo nasledii dekabristov. Pis'ma k N. N. Murav'evu-Karskomu* [From the Decembrists' epistolary heritage. Letters to N. N. Muravyov-Karsky] (1975), vol. 1, Izdatelstvo GIM Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
10. Prokopovich-Antonskij, A. A. (1791), *Slovo o nachale i uspekhakh nauk, i v osobennosti estestvennoi istorii* [A word about the beginning and progress of science, and especially of natural history], Universitetskaja tipografiia, u V. Okorokova, Moscow, Russia. (In Russian)
11. Hobbes, T. (1989), "Osnov filosofii chast' tret'ia. O grazhdanine" [Elements of Philosophy. The Third Section. On the citizen], in Hobbes, T. *Sochineniia* [Compositions], in 2 vols., transl. by Fedorov, A. and Guterman, A., vol. 1, Mysl' Publ., Moscow, Russia, pp. 66–506. (In Russian)
12. Hobbes, T. (1991), *Leviatan, ili materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, Form and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil], in Hobbes, T. *Sochineniia* [Compositions], in 2 vols., transl. by Fedorov, A. and Guterman, A., vol. 2, Mysl' Publ., Moscow, Russia, pp. 6–545. (In Russian)
13. Semevskij, V. I. (1909), *Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov* [The Decembrists' political and social ideas], Tipografiia 1-i SPb. trudovoi arteli, St. Petersburg, Russia.
14. *Vosstanie dekabristov. Dokumenty* [The Decembrist revolt. Documentation] (2001), vol. 20, ROSSPEN Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
15. German, K. F. (1809), *Vseobshchaia teoriia statistiki: Dlia obuchaiushchikh sei nauke* [General theory of statistics: For those who teach this science], Pri Imperatorskoi Akademii nauk, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
16. Syroechkovskij, B. E. (1954), "P. I. Pestel' i K. F. German. (K voprosu o rannikh politicheskikh vozzreniiakh Pestelia)" [P. I. Pestel and K. F. Hermann. (On the question of Pestel's early political views)], in *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta*, is. 167, Kafedra istorii SSSR, pp. 151–178. (In Russian)
17. Dmitriev, A. L. (2017), "Karl Fedorovich German: statistik i ekonomist (k 250-letiiu so dnia rozhdeniia)" [Karl Fedorovich German: a statistician and an economist (on the occasion of the 250th anniversary of his birth)], in *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. Economic Studies, vol. 33, no. 3, pp. 433–451. (In Russian)
18. Kruglov, A. N. (2009), *Filosofia Kanta v Rossii v kontse XVIII — pervoi polovine XIX vekov* [Kant's Philosophy in Russia in the late 18th — first half of the 19th century], "Kanon+" and ROOI "Reabilitatsiia" Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
19. Emelyanov, B. V. (2015), "Tsarizm protiv estestvennogo prava (tri epizoda goneniia)" [Tsarism against the Natural Law (three episodes of persecution)], in *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. 17, Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies, vol. 31, no. 4, pp. 119–126. (In Russian)
20. Kunicyn, A. P. (1818), *Pravo estestvennoe. Kniga 1: Chistoe pravo* [The Natural Law. Book 1: The Pure Law], V tipografii Ios. Ioannesova, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
21. "Zapiski N. N. Murav'eva-Karskogo. 1814 i 1815 gody" [N. N. Muravyov-Karsky's notes. 1814 and 1815 years] (1886), *Russkii arkhiv*, vol. 2, pp. 69–146. (In Russian)
22. Burcov, I. G. (1820), "Boi polkovnika Tikhovskogo s zakubanskimi cherkesami v 1810 godu (Iz bumag Chernomorskogo voiska)" [The Colonel Tikhovsky's battle with the Trans-Kuban Circassians in 1810 (From the papers of the Black Sea Army)], *Otechestvennye zapiski*, pt. 2, no. 3, July, pp. 18–26. (In Russian)
23. Kant, I. (1994), *Osnovopolozheniia metafiziki нравов* [Groundwork to the Metaphysics of Morals], in Kant, I. *Sochineniia* [Works], in 8 vols., transl. by Losskii, N. O., vol. 4, Choro Publ., Moscow, Russia, pp. 153–246. (In Russian)

Received: November 11, 2018

Accepted: February 7, 2019

Author's information:

Alexander S. Lunkov — PhD; istorik1981@mail.ru